

ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ»

20 июня 2008 г., Санкт-Петербург

Уже выросло и учится в университетах поколение, которое никогда не жило при социализме и слово «советский» воспринимает лишь как относящееся к истории. Но диссонанс современной эпохи для населения одной шестой части суши заключается в том, что ключевые позиции в политике и экономике занимают люди, так или иначе способствовавшие скорейшему преодолению «советского наследства», а наибольшие тяготы этого преодоления несут на себе как раз те, кто это «советское достояние» создавал. Неудивительно, что обсуждение советского периода в истории нашего общества отличается острой эмоциональностью и диаметральностью оценок.

За два десятка лет, прошедшие со времени официальной гибели советской системы, исследований, посвященных феномену советской культуры, появились считанные единицы. Уже поэтому знаменательным событием стала прошедшая 20 июня сего года в Санкт-Петербурге Третья международная научная конференция «Советская культура: проблемы теоретического осмысления». (Предыдущие прошли в 2000 и 2004 гг. и были посвящены темам «Советская культура в контексте истории XX века» и «Ценности советской культуры в контексте глобальных тенденций XXI века»). Организатором всех трех конференций стала кафедра культурологии и глобалистики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д.Ф. Устинова. Материалы трех прошедших конференций позволяют сделать некоторые обобщения.

Еще недавно слово «советология» было почти ругательным. Правомочность употребления этого термина определялась методологической установкой, согласно которой не существует специфической «советской культуры», а есть только высшая стадия развития мировой культуры, которая в силу исторических обстоятельств имеет русское происхождение и советскую форму при формационном социалистическом содержании. Именно такой смысл стоял за словосочетанием «культура нового типа». Сегодня, спустя полтора десятка лет после распада Советского Союза и того, что называлось советской культурой, все еще очень редко можно встретить научную работу, которая была бы свободна от идеологии и эмоций. Трудности связаны с тем, что пока нет еще наблюдателей, не испытывающих влияние исследуемого объекта: отважившийся писать о советской культуре почти всегда является заложником собственной биографии (которую чаще делало время, а не он сам) и критиком будущего, если оно не является продолжением прошлого. В настоящее время постсоветские рефлексии советизма делятся (по исследовательскому принципу) на несколько типов.

Первый тип рефлексии по поводу содержания советской культуры представляет собой даже не попытку осмысления феномена, а ностальгию по светлому прошлому, в противовес мрачному настоящему. Как правило, это ностальгия автора по собственной молодости и простым и понятным ориентирам. В такого рода статьях преобладают оценочные категории и художественные эпитеты в

противопоставлении советского и несоветского: «красота» и «гармония» – «дегуманизация» и «загнивание»¹, «вселенская отзывчивость» – «частнособственническое свинство». Характерно в этом смысле использование как аргумента мнения советского писателя о советской литературе, фактически о самом себе как представителе этой литературы: «Писатель Юрий Бондарев заявляет о том, что советская литература стала в свое время первой литературой мира»². Вряд ли с таким высказыванием согласятся К. Воннегут, Г. Маркес, Ф. Саган и др. Кроме подмены научного анализа эмоциональной насыщенностью, эти публикации некорректны в стадильном отношении: в них сравниваются период расцвета и период кризиса советской или период становления новой (постсоветской) культуры. Между тем, период становления советской культуры также был отмечен падением нравственности: Гражданская война, столкнувшая брата с братом, мужа с женой (Любовь Яровая), сына с отцом (Павлик Морозов); репрессии, заставлявшие отрекаться мужей от жен (супруги Молотовы); уничтожение не только ценностей прежней культуры (произведений, икон и предметов той самой духовной культуры, о которой теперь пекутся ностальгирующие по прошлому), но и их создателей; разрыв традиций. Показательно, что в этих статьях зачастую обсуждается не советская реальность, а ее идея: «В целом, в *идее своей* (курсив мой – О. П.) это была хорошая и правильная жизнь»³.

Ко второму типу относятся публикации, в основании которых лежит идеологический подход. В этих публикациях культура советского и любого альтернативного общества оценивается в категориях «высшее/низшее» без указания каких-либо критериев ранжирования. Распространенной чертой таких публикаций является использование приема перечисления произведений советского искусства и культуры как «высших достижений» без сравнения с признанными образцами несоветского искусства (хочется уйти от идеологии, поэтому воспользуемся собирательным понятием «несоветский» для всех остальных обществ и культур). Другим часто встречающимся приемом идеологической апологетики является декларация «духовности» и «бездуховности» альтернативных культур. Например, сторонники христианской идеологии (религиозного типа духовности) стоят на позициях возрождения религиозных ценностей и критики советской культуры, утверждая несовместимость попираания свободы вероисповедания и «духовности»⁴ в период социализма. Напротив, апологеты – они же, как правило, строители советской культуры – выдвигают тезис о «бездуховности» современного постсоветского общества⁵, не замечая возрождения традиционных ценностей: национального патриотизма, веры, благотворительности (которой не могло существовать в советском не обществе не столько по причине нищеты его, сколько из принципиальных соображений: функция призрения принадлежала собесу). Здесь налицо неразличение (сознательное или вследствие безграмотности) категорий «духовные ценности» (которые могут быть разными), «духовность» как сфера сознания (которая может быть наполнена различными идеалами) и других рядоположенных. Ни в одной из такого рода публикаций невозможно найти критериев определения этого самого «высшего» и «низшего».

Третий тип публикаций по проблемам советской культуры представляет собой описательный подход в культурологических исследованиях. Как правило, такие публикации посвящены частным проблемам художественной, этнической, языковой культуры, культуры образования и т. д. Обычно в этих исследованиях доминирует «коллекционный» метод – перечисление событий и фактов культурной действительности. Нет сомнения в том, что описание отдельных сторон жизни

общества (академических театров Петрограда, театрализованных представлений, становления кинематографа и т. д.⁶ является ценным источником для философского и культурологического осмысления. Эти работы составляют источниковедческую базу и представляют собой первый этап становления научной дисциплины. Вполне справедливо указывал участник первой конференции, посвященной советской культуре, А.С. Мыльников на необходимость ухода от официоза постановлений и деклараций и привлечения источников обыденного характера⁷. Как правило, авторы таких исследований стараются уйти от идеологических клише двумя способами: рассматривают конкретный феномен культуры как адекватный сам себе, в отрыве от мировых тенденций⁸ – и пытаются вписать тенденции развития советской культуры в мировой социокультурный процесс.

Наряду с перечисленными тенденциями в осмыслении феномена советской культуры формируется и культурологический подход, который пока не является доминирующим. Причем содержательно это может быть как исследование конкретного феномена культуры, так и анализ социокультурной целостности. В этих исследованиях отсутствует привычный прием соотнесения всех положительных характеристик (добро, свобода, равенство и т. д.) с отечественной культурой и отрицательных (Империя зла, индивидуализм, идеология рвачества и т. д.) с западной. Тенденция осмысливать феномен советской культуры в контексте *цивилизационного подхода*, в противовес формационному, имеет два решения. Советская культура рассматривается как цивилизация, альтернативная либеральной (М.А. Беляев, И.Ф. Кефели, И.Я. Левяш, Г.А. Кондратова), как социокультурная целостность с внутренней динамикой и в этом смысле равнозначная (не высшая и не низшая) другим культурам. И советская культура понимается как период русско-православной цивилизации (Е.А. Вертлиб, В.Д. Комаров, Л.В. Никифорова, О.В. Плебанек).

Существует ряд обстоятельств, которые служат препятствием для построения адекватной концепции советской культуры. Некоторые из них обозначены в первом сборнике, посвященном проблемам советской культуры: «...это не только проблема временной дистанции, необходимого минимума социокультурного времени... Это проблема теоретическая. Язык существующих теорий культуры – это язык описания стагнированных культурных систем прошлого...»⁹. Условия, которые должны быть соблюдены для формирования научных оснований исследования феномена советской культуры, являются общенаучными, и они в настоящее время недостижимы или могут быть реализованы лишь в какой-то степени. Прежде всего, это временная дистанция, необходимая для того, чтобы можно было не только наблюдать процесс от начала до его завершения (причем необходимо быть уверенным в том, что это именно завершение процесса, а не его затухание, временная стабилизация и т. п.), но и сравнить его как минимум с двумя аналогичными.

Второе важное условие, которое необходимо соблюсти для того, чтобы исследование носило научный характер (и не являлось ни ностальгией по «золотому веку», известному еще с платоновских времен, ни предметом иррациональной веры), по форме своей почти совпадает с первым условием. Это один из принципов классического рационального познания: принцип выключенности наблюдателя, или принцип объективности исследования. В данном случае он обозначает условие, при котором наблюдатель не является частью ни той, ни другой системы (социокультурной), ибо любая система воспринимает внешнюю среду как дестабилизирующую. Невозможно адекватно оценить состояние системы, находясь внутри нее. Особенность социогуманитарного

знания, как справедливо отметил Ю.Н. Солонин, состоит в том, что язык культурологического дискурса предназначен для описания состоявшихся социокультурных систем.

Третьим важным условием, необходимым для исследования не только феномена советской культуры, но любого социокультурного явления, является единство методологии и языка обсуждения. К сожалению, в настоящее время для социогуманитарного знания характерна парадигмальная и концептуальная множественность (и противоречивость). Для неклассического познания эта ситуация органична, но создает принципиальные ограничения познавательным возможностям относительно феноменов современности. Можно исследовать принципиально разными подходами отдельные аспекты социокультурного феномена, но совершенно некорректным является использование в одном исследовании взаимоисключающих концепций общественного развития. Например, описание социокультурной общности в категориальном аппарате взаимоисключающих подходов – формационного и цивилизационного. Но современное состояние социогуманитарного знания пока не позволяет выйти из противоречивой ситуации парадигмального многообразия. На сегодняшний день не существует единой адекватной методологии социогуманитарного исследования: формационный подход уступил позиции цивилизационному, но цивилизационный не стал универсальным для всех областей социального знания. После распада советской культуры, когда трудно стало настаивать на универсальном ходе истории, даже самые стойкие сторонники истмата и эволюционно-стадиального подхода говорят сегодня на языке цивилизационной парадигмы, отстаивая теперь самостоятельность «советской цивилизации».

В познании феномена советской культуры есть ограничение и ситуативного характера. В силу идеологических обстоятельств в нашей науке социокультурные исследования были неуместны. В эпоху господства исторического материализма культурология пряталась за другими названиями и, как замечает С.Н. Иконникова, «в традиционном корпусе общественных наук ей места не было»¹⁰. Поэтому невозможно было до определенного исторического рубежа не только становление культурологии, но даже объективное накопление эмпирического материала. В силу этого обстоятельства подавляющее большинство исследований, как показано выше, носят феноменологический характер. Главным образом, это исследования частных дисциплин – искусствоведения, этнографии, истории и т. д. Методология культурологического исследования еще в стадии становления, и над исследователем довлеет научная традиция, которую редко кто может преодолеть. В этом контексте уместно привести слова представителя естественнонаучного знания, гораздо в меньшей степени субъективированного. Рассуждая о закономерностях познания, великий физик М. Планк с сожалением заметил: «Великая научная идея редко внедряется путем постепенного убеждения своих противников... В действительности дело происходит так, что оппоненты постепенно вымирают, а растущее поколение с самого начала осваивается с новой идеей». Причем слова эти были сказаны задолго до ставшей знаменитой книги Куна (1962 г.), в речи, произнесенной в 1933 г. на заседании Общества немецких инженеров¹¹. В связи с этим следующим условием, которое должно быть по возможности соблюдено при исследовании феномена советской культуры, является формирование профессионального культурологического сообщества, которое до сих пор в значительной степени представляет собой коллектив историков, искусствоведов, филологов.

При соблюдении этих условий мы когда-нибудь приблизимся к пониманию того, что сегодня называется советской культурой. Возможно, прав Ю.Н. Солонин, утверждая, что культурологический язык – язык описания мертвых культур. Но, сравнивая три прошедшие конференции, можно сделать выводы о том, что, во-первых, феномен советской культуры вызывает все больший интерес (и отрадно, что как раз у молодых исследователей), а во-вторых, что эмоциональный подход уступает место взвешенному анализу. В заключение конференции участники выразили желание продолжить советологические исследования и сделать встречи периодическими.

¹ См. например: Абсалямова И.А. Место советской культуры в истории российской цивилизации // Советская культура в контексте истории XX века. Материалы конференции. Санкт-Петербург, 11–12 мая 2000 г. Ч. 1. – СПб., 2000. – С. 20–23; Дзегуганов Б.К. Глобализация и русская духовность // Ценности советской культуры в контексте глобальных тенденций XXI века. Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 6 июня 2003 г. БГТУ. – СПб., 2003. – С. 113–118; Никишов Г.А. Советская система образования как образец гуманистических ценностей в мировой культуре // Там же. – С. 79–83.

² Кефели И.Ф., Мозелов А.П., Пуляев В.Т. Культура будущей России // Советская культура в контексте истории XX века. Материалы конференции. Санкт-Петербург, 11–12 мая 2000 г. Ч. 1. – СПб., 2000. – С. 42–49.

³ См. например: Тимошевский А.В. Советская культура: одухотворенная тоталитарность или тоталитарный прорыв к высокому духу? // Там же. – С. 26–28.

⁴ Какурин А.А. Духовность и советская культура // Там же. – С. 63–65.

⁵ См. например: Тимошевский А.В. Указ. соч.

⁶ См. сб.: Ценности советской культуры в контексте глобальных тенденций XXI века. Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 6 июня 2003. БГТУ. – СПб., 2003.

⁷ Мыльников А.С. Феномен советской культуры как предмет изучения: пять советов будущим исследователям // Советская культура в контексте истории XX века. Материалы конференции. Санкт-Петербург, 11–12 мая 2000 г. Ч. 1. – СПб., 2000. – С. 6–8.

⁸ Таковы, например, статьи А.В. Рябова, И.И. Толстиковой, Н.П. Овчинниковой в сб.: Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 6 июня 2003. БГТУ. – СПб., 2003.

⁹ Солонин Ю.Н. Советская культура: мираж или реальность? // Советская культура в контексте истории XX века. Материалы конференции. Санкт-Петербург, 11–12 мая 2000 г. Ч. 1. – СПб., 2000. – С. 88–90.

¹⁰ Иконникова С.Н. Парадоксы и псевдонимы культурологии в 70-е годы // Советская культура в контексте истории XX века. Материалы конференции. Санкт-Петербург, 11–12 мая 2000 г. Ч. 1. – СПб., 2000. – С. 40–42.

¹¹ Планк М. Единство физической картины мира. – М., 1966. – С. 189.